

Памяти товарища.

(Памяти М. С. Олейникова, умершаго 3-го іюня 1910 года).

Тяжело, невыразимо тяжело слышать вѣсть о смерти горячо любимаго товарища, когда онъ умираетъ вдали отъ тѣхъ, которые ревниво, съ трепетомъ душевнымъ слѣдятъ за ходомъ его болѣзни, ожидаютъ его выздоровленія, жаждутъ встрѣчи съ нимъ, желаютъ увидѣть его....

Но, увы! Въ то время, когда юноша стоитъ на порогѣ жизни, воображеніе его рисуетъ планы будущей дѣятельности,—подкрадывается неумолимая смерть, крѣпко сжимаетъ въ своихъ объятіяхъ попавшуюся ей жертву, и нѣтъ надежды на пощаду съ ея стороны. Быстро тають силы человѣка; онъ догораетъ, какъ свѣча. Въ такомъ положеніи очутился нашъ покойный товарищъ М. С. Олейниковъ. Три мѣсяца—и полный силъ и здоровья юноша превратился въ какую-то тѣнь; его, казалось, едва носили ноги, изъ горла вырывались какіе-то хриплые звуки, сопровождаемые тяжелымъ кашлемъ. Поражены легкія; болѣзнь быстро прогрессируетъ; пневмонія (воспаленіе) обращается въ катарръ легкихъ. Испробованы всѣ средства, могущія возстановить здоровье

больного, но болѣзнь не поддается никакому лѣченію. Только благодатный климатъ и кумысолѣченіе могли, по мнѣнію врача, спасти больного отъ смерти. По выдержаніи краткихъ экзаменовъ, онъ отправляется въ село Восточное, Минусинскаго уѣзда (извѣстный кумысолѣчебный курортъ). Когда мы прощались съ нимъ, казалось, еще была надежда увидѣться съ нимъ. Но Провидѣніе судило иначе.

Крайняя мнительность, отсутствіе самообладанія, твердости духа, тяжелыя нравственныя потрясенія, испытанныя въ послѣдніе дни пребыванія въ семинаріи, вызванныя тяжестью разлуки съ товарищами, съ родной школой, воспоминаніями о родителяхъ, которые въ тѣ минуты были такъ далеко отъ него (они живутъ въ гор. Благовѣщенскѣ), быть можетъ, и не знали, какъ страдаетъ ихъ горячо любимый сынъ, ихъ единственная надежда и опора, — отняли послѣднюю возможность ожиданія благополучнаго исхода болѣзни...

„ Въ цвѣтѣ надежды угасаетъ ихъ сынъ“. Вся скопившаяся душевная горечь въ связи съ неудобствами дороги такъ повліяли на больного, что силы его окончательно упали, и близость и неизбежность роковой развязки была ускорена. Къ безпокойству и тревогамъ долгаго пути, доведшимъ страданія его до послѣдней степени, нужно присоединить еще то обстоятельство, что онъ очутился, по прибытіи на мѣсто, среди незнакомыхъ ему людей, которые, не имѣя къ нему состраданія, лишали его даже необходимаго ухода и попеченія. Въ немъ приняла участіе только семья покойнаго о. Ал. Силина. Своими посѣщеніями они скрашивали одиночество больного, облегчали его нравственныя страданія; съ ними онъ дѣлился своими впечатлѣніями, имъ и открылъ послѣднюю волю: закатъ его печальной жизни хоть на мгновеніе былъ озаренъ лучами участія добрыхъ людей, понимающихъ его горе. Деликатность больного заставляла отказываться отъ всякихъ услугъ съ ихъ стороны. Онъ былъ оставленъ всѣми. Бѣлье на немъ и на кровати было въ крови. Никто не присутствовалъ при послѣднихъ

минутахъ его жизни. Пришли и увидѣли бездыханный трупъ. Кругомъ была кровь, свидѣтельствующая о томъ, какъ тяжелы были страданія умирающаго. Онъ похороненъ на скромномъ сельскомъ кладбищѣ, и крестъ, украшающій его могилу, ничѣмъ не выдѣляется среди остальныхъ. Миръ праху твоему, добрый и вѣрный товарищъ!

Твоя деликатность въ отношеніяхъ къ товарищамъ, проникнутая искренностью и сердечностью, твоя отзывчивость на все доброе и прекрасное были извѣстны всѣмъ, знающимъ тебя. Ты отъ природы былъ надѣленъ впечатлительной душой, способной реагировать противъ нарушенія въ жизни правды. Твое чуткое сердце не выдержало тяжелаго гнета жизни, тѣхъ огорченій, которыя выпали на твою долю, и перестало биться.

Священникъ *Шавель Абакумовскій.*
